

ВЛОГ... К...
ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛ
ИМ. П. В. СЕРГЕЕВИЧА

ЗЕРКАЛО

ВЕЧЬКА

11 марта

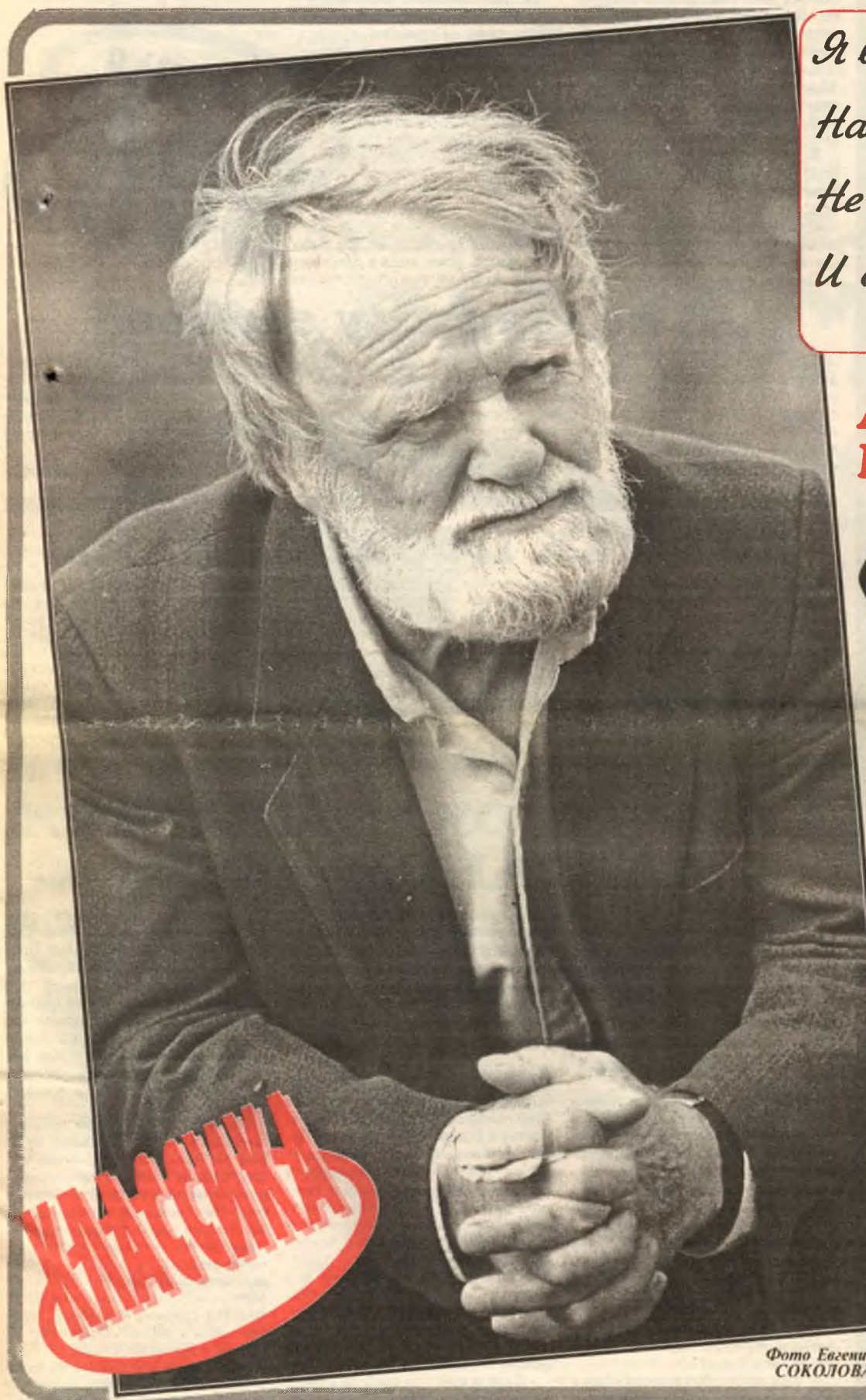
1999 года

№ 42 (24055)

Красный Север
ЧЕЖВЕРТ

Электронную версию «Красного Севера» смотрите в Интернете: www.deltaplus.ru/ks

На еженедельник можно подписаться у наших распространителей, домашних почтальонов и в киосках «Роспечати». Телефоны для справок: 25-24-58; 72-55-50.

*Я всех накормлю,
но оставьте в покое
На древней земле,
у травы молодой,
Не трогайте избу мою
над рекою
И белую церковь
над синей водой.*

Александр РОМАНОВ

Фото Александра ТОРОПОВА.

«ЧАС

ШЕСТЫЙ» **Василия Белова**

Случаются в русской литературе такие редкие события, которые потрясают читателей глубиной правды жизни. Вот в руках у меня народный журнал - роман-газета с новым произведением Василия Белова «Час шестой». Это хроника 1932 года о разорении трудового российского крестьянства. Конечно, тут необходимо краткое пояснение, что означает понятие «час шестой». В Библейской энциклопедии говорится, что ко времени Иисуса Христа день делился на четыре трехчасовые части и назывались они первым, третьим, шестым и девятым часом. Ночь также делилась на четыре ночных бдения.

Василий Белов не случайно выбрал названием для изображения страшной трагедии российского крестьянства именно «Час шестой». То есть время распятия самого Иисуса Христа.

*Бе... час яко шестой...
Тогда предаде Его им,
Да распнется...
И неся Крест свой,
Изыде Иисус на глаголеваемое
Лозное место,
Идеже пропяша его...*

• Окончание на 3-й стр.

ПИСЬМО В НОМЕР

ПОБОЛЬШЕ БЫ ОПТИМИЗМА!

Уважаемая редакция!
Вашу газету выписываем вдвоем с соседкой, так как мне зарплату не дают, а ей пенсию задерживают. Поэтому довольствуемся одной газетой на двоих. Раньше выписывала «Русский Север», но там направленность газеты идет на все негативное, а это сильно угнетает, у нас его в реальной жизни предостаточно, поэтому 4 года я выписываю вашу газету. Она объективна в оценке политики нашей областной власти, стала разнообразнее с выпусками «Зеркала» и «Вологодской недели».

Что пожелать вашей газете? Быть боевой, не бояться критики в адрес вышестоящих органов. Лучше освещать жизнь глубинки - интересное и полезное есть в каждом районе, побольше оптимизма. Нравится «Голос ветерана», еще сделайте рубрику для молодежи.

Ну вот и все. Всего вам доброго в работе, в личной жизни. Объединяйте людей и поддерживайте их морально.
С уважением - КУДРЯШОВА Н.Г.
Череповецкий район, пос. Суда.

РАДИОПОИСК

Пейджеры для солидных клиентов

Пейджеры с подключением:

ТЕКСТОВЫЕ
от 1550 руб.
ЦИФРОВЫЕ
от 840 руб.

Лицензия № 4054 Мин.связи РФ от 04.96 г.
Отдел продаж: Вологда, ул.Мира,34, 2-й этаж.
Тел.: 79-86-85. Операторы: 79-66-66.

●Окончание.
Начало на 1-й стр.

Да, «Час шестый» - великое продолжение изначальных и самобытных романов Василий Белова «Кануны» и «Год великого перелома». Писатель зорек и сострадатель в изображении народных трагедий. Он сумел так по-своему выразить это национальное наше бедствие. Такой правды, явленной им еще в первом своем деревенском романе «Кануны», не бывало в русской прозе. И тот изначальный его роман по своей потрясающей правде, на мой взгляд, оказался близок «Поднятой целине» Михаила Александровича Шолохова. Кстати, Белов бывал и в его станице Вешенской. О чем они толковали, мы не знаем. Но если Шолохов приглашал Белова к себе в гости, значит, беседа была необходимой...

Итак, с нетерпеливым интересом раскрываю я его новый роман «Час шестый». И вчитываюсь в первоначальные страницы. «Под вечер, в день святого животворящего Духа, проходная калитка Московской тюрьмы в Вологде распахнулась и рослый охранник выпустил приземистого бородатого узника. Очутьишись на воле, мужик поспешно содрал с головы шапку. Он по медвежьим неловко повернулся к охраннику и раскрыл было рот, опутанный сивой порослью, чтобы поблагодарить. Но бравый красноармеец уже не глядел на него.

- Пшел, пшел! - пробурчал стражник, отмечая карандашом в амбарной своей книге. - Отпустили, так беги! Нечего тут оглядываться...

Калитка домзак (так называли вологжане свою старинную Московскую тюрьму) захлопнулась. Крякнул мужик и обтер рукавом домотканого армяка белый, как репа, лоб. И тут опустил глаза на свои ноги, обутое в непонятную обувь. Не сапоги, не валенки, не лапти, не шоптанники, а какое-то витье тряпок и опорок - вот что осталось от прежних яловых сапог. И вспомнилась вдруг песенка, придуманная про него одним земляком:

Как Миронов-то Евграф,
Будто барин или граф!..
И правда, - усмехнулся он про себя, - два года держали тебя, Анфимович, как графа, вон за какой высокой стеной-то... И вот выбрался! За что сидел в тюрьме - и сам толком не знает. За какие такие грехи? Ведь трудами покойного отца и заботами его самого было обустроено у них лучшее хозяйство в Шибанихе. И вот было отнято все - и отцово подворье, и дом родной, и вся оседлость. И Марья, жена, и дочка Палашка - все было отнято. Каковы они теперь-то? Живы ли?.. Если и живы жена с дочкой, то, поди-ко, маются сердешные по чужим углам, каково им-то, бедным? Да еще с младенчиком...»

Тут вдруг спохватился, что с пустыми руками стыдно возвращаться домой. И решил Евграф поработать на железной дороге. И вот, поработав изо всех сил, рванул он в родную сторону, в свое милое житейское гнездо. Когда-то с такой любовью обустроенное им, но теперь уже отнятое новой властью. Вот подходит Миронов Евграф к своему дому и видит, что в нем уже расположилась контора колхоза «Первая пятилетка». И поселился в ней, как охранник, непутевый Кеша Фотиев со своим семейством. Сердце сжалось от боли и гнева, и Евграф, как самый последний бедняк, теперь не знал, где приютиться ему со своей семьей в родной Шибанихе.

* А самодовольный Кеша Фотиев - этот «неражий мужичонок»

- без стыда и совести так разговаривает с Мироновым в отнятом у него пятистенке:

« - А ты, таварищ Миронов, давно ли дома?

- А я, Асикрет Ливодорович, не у тебя дома. Это ты тут в моем доме. А я, сам видишь, как зимний волк, хожу круг деревни и думаю, где бы мне топор взаимный попросить. Отдай-ко ты мне мой топор, а?

- Что ты, что ты... Пошто тебе топор, что ты, - вскочил и забормотал перепуганный Кеша. - Не дам я тебе топора. Обрати и дом бери... Мне не жаль...

- Не надо мне твой дом, отнятый у меня... Отдай мне только топор. Где он у тебя?

- Что ты, что ты... счас поищу...

- Чего его искать, вон лежит у порога! - сердито плюнул Евграф и наклонился, чтобы взять топор, а Кеша весь побелел, отскочил в сторону. Боком, боком отстранялся Кеша от Евграфа да и шмыгнул от него в двери. В сенях прежний хозяин тоскливым взглядом обвел родную повесть. На глаза попадали то мо-

ла Микуленка, а он с должности председателя сельсовета уже переведен в председатели райисполкома. Укатил в район, даже не попрощался со своей деревенской любовью.

«Уже не было никаких надежд на него, и тогда назло Микуленку Палашка дважды прошла с Акимом Дымовым вдоль по деревне. Потом сели в тишине на темном крыльце. И он крепко обнял ее, начал шарить сперва за пазухой, а потом и в других теплых местах. Она отбрыкивалась, била Дымова по рукам, а сама слушала далекую зырянскую игру. Дымов сильно обнял ее, прижался к ней, и плачущая Палашка вся как-то сразу обмякла в его нетерпеливых руках...»

События в романе Василия Белова «Час шестый» накатывают непрерывными волнами. В районе уже назначаются на больших должностях новые люди с мест - секретарем райкома партии товарищ Скачков и председателем райисполкома товарищ Микулин. И тогда разгневанный Евграф, отец Палашки,

в тундру, под самый Нарьян-Мар, но убежал он и оттуда. Долго бродил по тундре и добрался таки до родных мест. Но нельзя было Павлу Рогову вот так запросто объявиться в своей деревне. И он решил отдышаться в лесной избушке у дедка Никиты - истового богомольца.

«Голос дедка, по складам читавшего святое Евангелие, сливался с ровным лесным шумом. Павел мысленно дивился дедкову зрению, глубоко вдыхал влажный лесной воздух, отлеживался от страшного бегства из Заполярья. Гудело вокруг все, шумело в сосновых и еловых верхах, словно вода, падающая с какой-то небесной плотины. Теперь Никита Иванович читал Евангелие от Луки:

- Бе же час яко шестый, и тьма бысть по всей земле до часу девятого. И померче солнце, и завеса церковная раздрася... И

Вот отпускает домой своего земляка на свадьбу. Не ровен час, вдруг да милая Тонька не дожидется его со службы, выскочит замуж за какого-нибудь супостата... И адмирал жмет руку обрадованному матросу-земляку и желает ему счастья.

И вот в Ольховице в свадебные дни от мужиков, баб и девок наслушался такого, что и в деревне стало неохота жить. На трудодни почти ничего не причитается. Одна надежда на свои приусадебные участки. Докатились... И тогда, после свадьбы, Пачин почти что под диктовку мужиков, баб и девок пишет письмо в Москву, всесоюзному старосте Калинину. В письме напрямую изложил все колхозные беды и неустроения. Про себя подумал: если письмо на самом деле попадет всесоюзному старосте, то какой-нибудь сдвиг в жизни мужицкой все-таки скажется...

Калинин, прочитав это горестное письмо, не знал, что с ним делать. Ведь матрос от имени мужиков жалуется на чекистские органы. Но решился-таки письмо матроса показать Сталину. Вон с Кагановичем и его окружением он пока не может справиться, а те все наглеют, все сплываются. Калинин замаялся, не зная, как называть этот разброд во власти, но уже похожий на смуту. Кто троцкисты, кто зиновьевцы, кто сталинисты?... Все рвутся к большим должностям. Чуть не топчут друг друга...

А сам Сталин, генеральный секретарь, замкнулся в тяжком одиночестве. Так где же верный выход из этой смуты? Ведь это же отчаянная схватка за свою долю власти над погибающей Россией. Ведь еще не бывало такого наглого расхвательства в Кремле высоких должностей.

Но вот наконец из своего кабинета выходит суровый Сталин. И в «Часе шестом» - в этом многоохватном романе Василия Белова - открываются уже новые и важные события. Выявляются близкие к Сталину люди: Калинин, Горький, Молотов, Киров... Но сколько толпится вокруг него всяких притворщиков!

И широко открывается перед читателем очень трудная и широкоохватная российская жизнь - от Кремля до вологодских и архангельских деревень. Да, этот роман Василия Белова - замечательное достижение русской литературы. И мне представляется, что сам взгляд писателя на нашу текущую жизнь так глубок, что представляется как бы трехмерным: за первичной полосой жизни видит писатель и минувшее, и будущее. Сталин, изображенный Беловым в своем романе, был именно из таких зорких людей. Именно он вовремя разгромил троцкистов.

Завершить свою статью мне хочется злободневным стихотворением Василия Белова.

С дубовых трибун и с гнилых парапетов,
Блюдя митинговую вашу страду,
Не стыдно ли вам перед

белым-то светом

Истошно орать «Накормите страну!»?
Учили меня вы пером и наганом,
Судили, корили под красным гербом.
Когда бунтовал, нарекли хулиганом,
Когда я терпел - обзывали рабом.
Прощаю вам все: отчужденья столицы,
Контор и бумаг беспросветную ночь,
Но хлеб из чужой, из заморской пшеницы,
Поверьте, жевать не хочу и невмочь.
Я всех накормлю, но оставьте в покое
На древней земле, у травы молодой,
Не трогайте избу мою над рекою
И белую церковь над синей водой.

Март 1999 г.

Александр РОМАНОВ

«ЧАС ШЕСТЫЙ» Василия Белова

к р и ч а л
вслед Микуленку:

« - Ежели он еще вернется к нам, дак я ему, блядуну, дам от ворот поворот! Вишь, как оне, начальники, наострились. Мой дом отняли - сколько сил я в него вложил! Палашку, дочку мою, испортили, а меня самого - в тюрьму! За что это все? Куда Калинин глядит и что на уме товарища Сталина? Ведь эти прохвосты пропьют всю Россию!!!»

Но самым дьявольским прохвостом, подосланным из Москвы в здешний райком партии, оказался Яков Меерсон. Он обкладывал непосильными налогами еще не устоявшиеся колхозы. И делал вид, что строго выполняет волю партии, не считаясь со здешними деревенскими трудностями. Он окончательно разорвал неокрепшие колхозы. И, видимо, за такую иезуитскую службу Якова Меерсона перевели из Вологодского района прямо в Архангельск. А потом уже и в самую Москву, к секретарю Центрального комитета партии Лазарю Кагановичу и к товарищу Сольцу в Контрольную комиссию. Вот какой взлет в политике уже заранее был определен Якову Меерсону. А наши местные райкомовцы годами не поднимались выше своих районных ступечиков. Было о чем задуматься, отчего же такие разные служебные взлеты в большую власть.

А в низах жизни - раздор, и горе, и аресты.

Вот Павел Данилович Рогов, воздвигнувший над родной деревней ветряную мельницу - красу и отраду всей местности, - вскоре был арестован только за то, что отказался вступить в колхоз. Увезли его под конвоем

лотило, то борона-суковатка, то разоренная верша. «Вон и портки мои висят, сохнут!» - Миронов с презрением плюнул в Кешину бесстыжую рожу...»

Но мыкаться в горе Миронову было не по характеру. Он приметил на отшибе деревни кем-то брошенную избу. Евграф не мог припомнить даже давнего хозяйского имени. Избенка кособочилась на один скат.

« - А что? - подумал Евграф. - Ведь изба-то ничья... Чем тесниться в чужих людях, взять да и поселиться сюда. Пол перестелю, двери сами откроются...»

И Евграфу показалось на миг, что там, в сумрачной избе, в переднем углу, будто бы просиял святой Николай - Божий угодник. И опухло от иконы тепло. И словно в ответ Святителю, Миронов перекрестился и произнес молитву «Отче наш»...

- Все поправлю, все сделаю, как надо мне! - И подивился он про себя, что изначальная злоба затихает в нем и душа теплет от того, что рядом с ним жена Марья, и только дочка Палашка тревожит его, что так безумно сошлась с Николаем Микулиным - здешним председателем сельсовета. Забеременела от него, гонялась за ним, а он уже сторонился, избегал ее...

Спомни, милый, как гуляли, Спомни, что мне говорил. Я твои слова запомнила, А ты мои забыл...

Так отчаянно пела Палашка, уже вновь беременная от него, и напрасно выглядывала да жда-